

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»

**КАК
НАМ
СМИРИТЬСЯ,
ЧТО
УХОДЯТ
ДАТЫ...**

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИХАИЛА ТАНИЧА

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ ДОРИЗО

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БОРИСА ПРИМЕРОВА

РОСТОВ - НА - ДОНУ

2013

**АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

**ФОТОГРАФИИ:
И. А. ГЕТАЖАЕВА**

**РЕЛЬЕФНАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ГРАФИКА:
И. А. ГЕТАЖАЕВА**

**РЕДАКТОР ПО БРАЙЛЮ
В. И. МАРТЫНОВ**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
Т. Н. КОНДРАТЕНКО**

**БРАЙЛЕВСКИХ ЛИСТОВ: 50
УЧЁТНО-ИЗДАТЕЛЬСКИХ ЛИСТОВ: 2, 2**

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО В ГБУК РО
«РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

**ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»
ВЫРАЖАЕТ БЛАГОДАРНОСТЬ
МУК «ЗЕРНОГРАДСКИЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»
И
МБУК «МЕЧЁТИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА
СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ ИМЕНИ БОРИСА ПРИМЕРОВА»
ЗА ПОМОЩЬ
В ПОДГОТОВКЕ ИЗДАНИЯ**

СОДЕРЖАНИЕ:

Вехи биографии.....

Всякого до черта.....

Повышенное чувство.....

След шмеля.....

Книга «Как нам смириться, что уходят даты...» рассказывает о советских поэтах, жизнь и творчество которых связаны с Доном – это Николай Доризо, это Михаил Танич и это Борис Примеров.

*Я рад расставаться
С любимой – с нею,
Когда моя песня из дома
К народу спешит.
Хорошую песню все люди
Считают своею,
Плохая – лишь автору
Принадлежит.*

Николай Доризо

*Ну, конечно, не ангел,
Не ходил по паркету,
А всему научился
У людей задарма!
И, прищурясь, шатался
Я по белому свету
И на скользкой дорожке
Набирался ума!*

Михаил Танич

*Не допусти, Россия,
Безумью вопреки,
Тупой топор насилья
Над головой строки...*

Борис Примеров

ВЕХИ БИОГРАФИИ

*Как нам смириться, что уходят даты,
Что время так стремительно идёт...
Рука всё пишет «семьдесят девятый»,
Хотя уже восьмидесятый год.*

Николай Доризо

Эти, вынесенные в эпиграф, строчки даже не надо датировать – они сами дата. Так, с лукавинкой, Николай Константинович Доризо отметил очередную оставленную позади веху своей биографии.

И как же давно это он отметил!

Тридцать три года прошло.

Приверженцы символики сразу бы вспомнили о возрасте Иисуса Христа.

Может, и не зря бы вспомнили, так как Николай Константинович Доризо – внук священника.

А Михаил Исаевич Танич – внук раввина.

А – выросший в классическом советском колхозе – Борис Терентьевич Примеров в конце жизни открыто обращался к Богу.

Бескрайние ковыльные степи, широкие балки, глубокие овраги, лесостепи, курганы скифских царей...

Уже 75 лет, как существует на карте Ростовская область – одна из самых южных земель бывшего Войска Донского. Земля, где очень долго сохранялся закон *«С Дону выдачи нет!»*

Немало в летописи области славных героических страниц. А имена очень многих наших земляков известны далеко за её пределами.

Среди прославивших эту землю – российские поэты, которые жили и трудились здесь.

А как жили?

И как трудились?

А когда же, вообще, в России людям было жить хорошо и трудиться?

Может быть, повезло родившимся после отмены крепостного права и не дожившим до революции? Недолгая, но в целом спокойная, при Александре III, жизнь.

Больше всего страданий выпало на долю поколения россиян, появившихся на свет в начале прошлого века: русско-японская война, Первая мировая, гражданская, три революции, репрессии, коллективизация, Великая Отечественная, снова репрессии.

Николай Доризо и Михаил Танич – ровесники. Оба появились на свет осенью 23-го.

Не самое мирное время в истории государства.

И в дальнейшем – хлебнули – с избытком.

Оба – *«дети врагов народа»*. Константин Доризо и Исайя Танхилевич получили по *«10 лет без права переписки»*.

А их сыновьям – только-только получившим аттестаты – сразу пришлось изгнать все радужные мечты о будущем.

Потому что это июнь 41-го.

И оба они, Коля и Миша, 17-летними (вместо так лелеяной мысли о стихах, о филфаке!), получили по автомату и отправились на четыре года в окопы.

И оба вернулись!

А дальше? Дальше биографии расходятся.

Михаилу Исаевичу довелось очень близко познакомиться с таким понятием, как ГУЛАГ.

Рассказывал, что во время следствия не били. Просто не давали спать. На десятую ночь он «сломался и всё подписал».

На шесть лет.

А после возвращения Михаил Танхилевич стал Таничем.

Наверное, чтобы дожить до старости, тому поколению нужно было обладать поразительной живучестью! Наверное, шансы победить в схватке с судьбой (и остаться порядочным человеком) были у людей незлопамятных, с чувством юмора и лёгким отношением к жизни.

И надо было держаться подальше от власти.

А дальше?

Дальше снова – похоже.

Отучились в Ростове, поработали. Получили высшее литературное образование и по билету Союза писателей.

Оба – счастливы во втором браке.

И оба – авторы уже классических, на сегодняшний день, строк. Думается, их стихотворения о любви, ставшие народными песнями, так и останутся непревзойдёнными.

Потому что это, действительно, шедевры советского песенного творчества.

Да ни одно застолье – и в постсоветском даже пространстве – не обходится, практически, без «А я люблю женатого...» и без «Погоды в доме»!

И Михаил Исаевич, и Николай Константинович называют себя (несмотря на все, выпавшие на долю их поколения, перипетии!) очень счастливыми людьми.

Ведь какие писали на их стихи музыку композиторы! Созвездие!

Владимир Шаинский, Ян Френкель, Эдуард Колмановский, Никита Богословский, Оскар Фельцман, Евгений Мартынов, Владимир Мигуля, Давид Тухманов, Евгений Дога, Владимир Матецкий, Алексей Мажуков, Юрий Антонов, Раймонд Паулс...

А какие исполнители! Другое созвездие!

Эдуард Хиль, Клавдия Шульженко, Муслим Магомаев, Гелена Великанова, Лев Лещенко, Эдита Пьеха, Владимир Трошин, Майя Кристалинская, Марк Бернес, Аида Ведищева, Валерий Леонтьев, Алла Пугачёва, Валентина Толкунова, Иосиф Кобзон, Лариса Долина...

Михаил Исаевич и Николай Константинович, оба, прожили долго. Ушли от нас, оба, на девятом десятке.

А вот третий поэт, о котором рассказывает сборник «Как нам смириться, что уходят даты...», ушёл намного раньше.

Хотя родился намного позже.

Борис Примеров сократил свой срок сам. Остановился на пятидесяти шести годах.

Он родился перед войной. Тоже – в семье репрессированных. Но родители остались живы.

Тоже учился и работал в Ростове. Тоже окончил Литературный институт. Но вот билетом Союза писателей дорожил не особенно.

Примеров – тонкий лирик. Его относили к поэтам «есенинского типа».

И песни он сочинял. Но маститые композиторы музыку к ним не писали, и страна потому их не пела.

Борис Терентьевич Примеров – откровенный монархист(!) – не смог пережить крах могучей державы – Советского Союза. Он предпочёл не жить в не-советском, не-державном пространстве.

Конечно, каждый имеет полное право распоряжаться своей судьбой.

Каждый выбирает сам.

Но, как сказал ещё один замечательный донской поэт Михаил Николаевич Скрёбов:

У поэтов так неожиданно

Обрываются биографии!

И ведь – не дай Бог, конечно, – но может случиться так, что, после какого-то очередного обрыва, биография уже и не восстановится.

Так что, пока ещё не все они оборвались и пока ещё не ушли совсем все даты, давайте о них почаще вспоминать.

*

ВСЯКОГО ДО ЧЕРТА

*Грибного лета дожди косые,
Родного дома тепло и свет...
Мой дом – Россия, мой дом – Россия,
И лучше дома на свете нет!*

Михаил Танич

«В бою за Клауспуссен 12. 01. 45 г. орудие сержанта Танхилевича под сильным артиллерийским огнём противника уничтожило 2 пулемётные точки и 2 блиндажа. В оборонительных боях при Приэкуле 27. 12. 44 когда весь расчёт Танхилевича вражеским снарядом был выведен из строя, командир орудия Танхилевич несмотря на ранение и контузию не оставил орудия, покамест не была оказана помощь всем пострадавшим, уйдя от орудия последним...»

Фрагмент Наградного листа к награждению орденом Красной звезды от 18 января 1945 года.
Сержант Танхилевич – это поэт Михаил Танич.

Во мне всякого до черта,

От неподвижности

До непоседности!

И всё ничего бы,

Но есть черта,

Как бы черта

оседлости.

Чёртова родинка,

Мой изъян –

Местечко вместо

пространства —

Она сгибает меня,

Как дворян

Распрямляло дворянство.

Ну, не был мой дед

Городским головой,

*И он дрожал
Со своими курями,
Когда на Пасху городской
Совал ему в нос
Кулаки с якорями.
Дай ему, дедушка,
Не трусь, –
Чтоб знали все в Таганроге!
А то ведь и я
не распрямлюсь,
Пока не вытяну ноги.*

Отец поэта, Исаяя Самуилович Танхилевич, выпускник одесского реального училища, в гражданскую гонялся за Махно.

А в 19 лет уже замещал пост начальника мариупольской ЧК. А был Исаяя Самуилович – сыном раввина! *«Дед по отцу был набожным евреем-ортодоксом... Он постоянно молился....»*

В семье любили рассказывать, что именно этого ортодокса Самуила выбрал (покидая Россию) хранителем своей библиотеки писатель Шолом-Алейхем. Которая, конечно же, не сохранилась.

Однажды на пороге чрезвычайки появилась симпатичная гимназистка – принесла передачу своему отцу Борису Траскунову, главбуху Мариупольского металлургического завода (обвинялся в буржуазной пропаганде).

Эта юная Борисовна очень понравилась юному Самуиловичу, и возможный тесть-бухгалтер был выпущен на свободу.

Но вот иметь зятя-чекиста тому не хотелось – как пишет в своих мемуарах поэт, *«запахло классовой борьбой»*.

Однако стороны нашли выход из, казалось бы, неразрешимой ситуации: Исаяя пообещал Траскунову, что завяжет с ЧК и выучится на завхоза. В обмен на дочку.

Так и сделали. Это 1921 год, а в 23-м, 15 сентября, на свет появился Михаил.

Окончив Петроградский институт, Исаяя Самуилович приступил к должности начальника управления коммунальным хозяйством Таганрога.

И город расцвёл! *«Мой отец... был очень советским человеком. Энергичный от природы, он буквально пропал на работе: строил электростанцию и первую трамвайную линию»*.

Новый начальник коммунхоза придумал поставить на улицах (получив предварительно разрешение Московского музея изобразительных искусств!) копии греческих скульптур.

И даже открыл мастерскую по их изготовлению.

«Вы могли, прогуливаясь по городу, встретиться с «Дискоболом», посочувствовать «Мальчику, вынимающему занозу», и тому подобное».

Были разбиты газоны, город преобразился, стал чистым и красивым. По улицам разъезжали, как в Европе, тележки с овощами, булками, молочными продуктами. Словом, это был ренессанс Таганрога».

До наших дней «Дискобол» и «Мальчик» не дожили.

А вот городской трамвай – дожил.

А ещё чекист-хозяйственник обожал спорт, и маленький Миша уже в 5 лет получил заветный подарок – футбольный мяч. По тем временам – просто редкое сокровище!

«Для меня футбол был всем, и сладким гоголем-моголем, и сказками Арины Родионовны».

Забегая вперёд, скажем, что это футбололюбие однажды едва не закончилось катастрофой.

Немецкий городок Бернбург.

Май 45-го!

Адреналин требует выхода, и молодые красноармейцы-победители решают посостязаться с местными спортсменами-побеждёнными!

«В июне 1945 года мы с ребятами устроили в Германии футбольный матч с немцами. У нас ни бутс, ни формы – ничего не было. А они – профессиональная команда, которая играла за рейх всю войну.

Мы, конечно, продули им первый матч, зато второй сыграли вничью 2 : 2. Причём, оба гола забил я!» - гордо рассказывал Михаил Исаевич.

Командование было в ярости: на ковёр, горе-футболисты! Кто зачинщик этого позора?! Отвечать!

Но в тот раз Фортуна не отвернулась.

Миша представлял собой достаточно редкий вид подростка: интеллеktуал со спортивным уклоном. С одной стороны – футбол с утра до вечера. С другой – стихи.

Школа № 10. Словесность Мише преподавал Александр Николаевич Баландин. Который лично знал Чехова. Эту же 10-ю школу оканчивали, кстати, будущие сверхзнаменитые дамы: Фаина Раневская и Елена Образцова.

А лечил маленького Мишу доктор Шамкович, другой знакомый Антона Павловича.

Ясно потому, что первые литературные опыты будущего песенника были в духе Антоши Чехонте. С поправкой на современность.

И Пушкин.

«Я рано приобщился к стихам – читать научился в четыре года, а к семи уже читал сказки Пушкина. И он, термоядерный, меня заразил. Но мы тогда были так оболванены пионерским детством и репродуктором, который всё время говорил партийные глупости!..»

Но радужный мир стихов и футбола оказался недолгим. Подошли годы ежовщины. По ночам разъезжали чёрные «воронки». И за каждой дверью ждали ареста.

«Весь руководящий Таганрог уже сидел в подвальных камерах городского НКВД. Отец догадывался, что и о нём не забудут, и, как бы прощаясь со мной, подолгу водил меня по городу и рассказывал мне, опасаясь не успеть, об истории города и порта, и яхт-клуба, и чуть не каждого заметного дома.

Не успел.

Они пришли, как всегда, перед рассветом, чтобы застать врага врасплох и чтобы поменьше людей знало об их ночных подвигах. Их было пятеро. Понимаю, что среди них был и тот следователь в коверкотовом форменном пальто с пристегивающимся воротником, который потом въедет в нашу квартиру. Таков был закон времени.

Комнату в коммуналке получал настучавший сосед. «Я на тебя напишу!» – было не просто угрозой, а ещё и похвальбой: вот я какой простой советский человек!»

Потом пришли за матерью. Осиротевшего Михаила забрал к себе в Ростов дед Борис.

*Тогда на Сельмаше, в бараке,
в семнадцать неполных годков
я спал после уличной драки,
я спал – и не слышал гудков.*

Мама провела в застенке около года. Выпустили, но... с ограничением в правах. И со справкой, что муж её получил 10 лет без права переписки.

Но юность – всё равно пора счастливая.

«К концу школы я написал уже довольно много стихов. На выпускном экзамене у нас было свободное сочинение на тему «Расставание со школой». Концовку я помню:

*Пройдёт ещё с десяток лет;
Как этот детский май,
В моей душе умрёт поэт
И будет жить лентяй.*

Насчёт поэта не угадал.

А юность – ещё и пора любовей. Много позже, на восьмом десятке(!), он вспомнит:

*Не помню, кем я был (что сделаешь, старею),
а сильный был, как молодой гиппопотам,
я не ходил с ней по картинным галереям,
а по кустам, а по кустам.*

*Её, я помню, звали Лена или Зина,
и шар земной тогда стоял на трёх кустах.
Была любовь, и мы сливались воедино,
в Азовском море, без стыда, при всех друзьях.*

*Я как спортсмен, всего добился с трёх подходов,
всего, я думаю, добились и она.
От нас родившаяся, как от пароходов,
на берег шлёпалась азовская волна.*

Война началась в тот самый день, когда Миша получил аттестат.

Планы – стать знаменитым футболистом и издать книжку стихов (неприменно в синей обложке и чтобы в библиотеке стояла рядом с Твардовским!) – пришлось отложить.

Семья перебралась в Грузию. Миша подал заявление в Тбилисское военное училище, *«потому что в училище было тепло и давали горячую еду».*

Вместо полагающихся 6 месяцев его продержали в училище целый год и выпустили не лейтенантом, а лишь старшим сержантом. Дало о себе знать пресловутое клеймо *«сына врага народа».*

С июня 44-го – он в действующей армии. Командир орудия. Прошёл путь от Белоруссии до Эльбы.

Контуженого – хоронили в братской могиле. Однополчанин вовремя увидел на щеке старшего сержанта дрогнувший нерв. Отправили в госпиталь. Михаил на три месяца стал слепым и глухим. Но с больничной койки артиллерист сбежал на фронт. Проблемы со зрением и слухом остались на всю жизнь.

А от ремня и шапки (служивших до взрыва подушкой) ничего не осталось!

9 мая встретил будущий советский поэт-песенник в немецком городке Цербсте, известном тем, что здесь начиналась биография Фике – будущей российской императрицы Екатерины Великой.

«О том, что закончилась война, нам сказали польские солдаты в конфедератках, и даже наступившая тишина и то, что не надо больше воевать, не сразу принесло ощущение счастья.

Ну не могли мы сразу осознать, что каким-то чудом остались живы! Но ведь остались. И каждый новый день без войны казался нереальным».

А тот же Бернбург, запомнился не только угрозой трибунала.

Очаровательная фройлейн. Эльфрида Лане.

О браке, речи, конечно, и не шло. Но в душу – запало.

Через сорок лет известный советский поэт-песенник побывал в ГДР. Хотел повидать давнюю любовь – специально привёз пластинку с песнями на свои стихи. Но Эльфрида, оказывается, осталась за Берлинской стеной.

Наконец – дома! Михаил Танхилевич решает стать архитектором и поступает в Ростовский инженерно-строительный институт.

Но проучился недолго.

Студент был *«полон надежд и планов, просто здоровья, впереди – вся жизнь с её тысячей вариантов»*.

И, конечно, снова любовь! Удивительные южные ночи!

*Мы над Доном ходили парами,
были девочки в белых платицах,
И не знали, что станем старыми,
что жизнь покатится и закатится.*

*Но мы ростовские незакатные,
и мелькают в моих развалинах
Эти платица, эти статные,
все в оборочках накрахмаленных.*

Это – одно из последних стихотворений Михаила Исаевича.

И не думал тогда – в эйфории Великой Победы – молодой поэт, что даже в дружеской компании нельзя упоминать, что немецкие радиоприёмники и автострады лучше наших. В дружеской компании тут же настроили донос.

И – этапом в Соликамск. Но Фортуна снова улыбнулась.

Художник Константин Павлович Ротов (очень знаменитый, упомянут в Британской энциклопедии, первый иллюстратор «12 стульев», главный иллюстратор «Крокодила», ныне – зэк), тоже ростовчанин, взял несостоявшегося архитектора в редколлегию. Наглядной агитации в лагере уделялось немалое значение.

Выпустили же Михаила перед самой смертью Сталина. Но в день похорон он плакал.

А через много лет, в одном из интервью бросил: *«Сначала злился, а потом понял: правильно меня посадили. Государство имеет право и должно себя защищать»*.

Освободили, но жить в больших городах запретили. А стихи его уже пошли в народ и зазвучали.

И тут поэт Танхилевич призадумался:

«Не поднимутся ли вихри враждебные по поводу этого слишком уж неблагозвучного под русскими стихами имени, и не лучше ли было бы звучать ему пусть и не так уж придуманно, а хотя бы покороче, например Михаил Танич?! А?»

И зазвучало, представьте!

И сразу в «Литературной газете»:

Серые шинели,

Розовые сны! —

Всё, что мы сумели

Принести с войны.

Литературная жизнь налаживалась. Чего нельзя было сказать о личной.

Супруга его с лесоповального периода не дождалась, «и я ушел от неё, имея при себе: подушечку-думку, вышитую крестиком, (25 на 25), книжку «12 стульев» (из мебели) и мельхиоровую чайную ложку. Да мне ничего больше, в общем, и не принадлежало в её доме».

Жил на Сахалине, работал монтажником. И, как-то, на 7 ноября, попал в общежитие молодых специалистов.

И там встретил свою – теперь уже единственную – любовь.

«И одна девочка, была она тростиночкой, в голубом, очень даже столичном крепдешиновом платье с моднейшими переплетениями, взяла в руки семиструнную гитару и под крики: «Лида, спой «Осенние листья!»» – начала перебирать струны.

Она негромко, по-актёрски запела, и я её разглядел: девочке на вид было лет пятнадцать, еле заметная грудь, зелёные глаза и невиданной длины ресницы – как приклеенные. Ресницы «прикололи» ловеласа, как бабочку.

- А теперь, - сказала девочка, - я спою вам две песни нашего поэта Михаила Танича. Музыка, какую-никакую, я подобрала сама.

Она не знала, не могла знать, что это за незванный пришелец навестил их тем вечером, что этот вылупившийся на неё тридцатилетний старик и есть «наш» Михаил Танич, стихи которого частенько заполняли местную безгонорарную газету.

Эта девушка – самая большая моя награда за всё пережитое».

*Вот не ладим с тобой по таким мелочам,
на такой надоедливой ноте.
То ли я от капризов твоих одичал,
то ли что-то мы путаем в счёте.*

*Арифметика эта от века сложна,
но прибавим живому живое,
и в уме, и на пальцах один плюс одна –
получается минимум двое...*

Эта девушка – поэтесса Лидия Николаевна Козлова. Это на её слова написаны такие роскошные песни как, к примеру, «Айсберг» и «Снег кружится, летает и тает...»

В 1956 году Танич получает реабилитацию, и супруги отправляются в Москву.

А первый успех пришёл, когда на стихи обратил внимание уже достаточно известный Ян Френкель. Песенка «Текстильный городок».

Через несколько дней после того, как прозвучала она в эфире, Танич, покупая сигареты, уловил в мурлыканье киоскерши что-то знакомое.

«Удар в самое сердце. Первая моя песня! Наклоняюсь к окошечку и этак, не без хвастовства, продавице:

- Эту песенку, между прочим, написал я! - Прямо с этим зощенковским «между прочим» и говорю!

- Да? - Она посмотрела на меня, как на сумасшедшего. - Мордой не вышел!

И, представьте, не было обидно. Я получил за жизнь столько признательности, человеческой любви и благодарности, на троих бы хватило, но дороже этого «мордой не вышел», мне кажется, не было».

Жена Виля Липатова рассказывала поэту, что «мы влюбились и женились под вашу песню «На тебе сошёл клином белый свет».

Хотя, мнения бывают очень разные.

Владимир Высоцкий (на вопрос западного журналиста «Как вы относитесь к советской массовой песне?»): «Я её не понимаю. Вот у них сейчас популярна песня «На тебе сошёл клином бе-

лый свет, на тебе сошёл клином белый свет, на тебе сошёл клином белый свет...» И целых три автора!..».

Имелись в виду композитор Оскар Фельцман и два автора слов: Михаил Танич и Игорь Шаферан.

Михаил Исаевич же уверен, что такая характеристика – лишь от зависти!

Вместе с Леоном Мерабовым написали он песню «Робот», с которой дебютировала на радио совсем ещё юная Алла Пугачёва.

В союзе с Юрием Саульским родился шлягер «Чёрный кот» – своеобразная визитная карточка поэта Танича.

Песня эта – принятая слушателями на ура – снова, как водится, вызвала резкое недовольство критики. Сначала предали анафеме по телевидению.

Потом в Израиле написали, что песня рассказывает о гонениях на евреев в Советском Союзе.

Заведующая красноярским Домом офицеров предположила, что песня посвящена проблемам в сельском хозяйстве.

Но, в общем-то, Михаил Танич считает себя любимцем Фортуны: *«Я выжил, несмотря на два инфаркта, мои песни поют по всей стране. Дожил я и до таких изменений в стране, о которых и не мечтал. В будущее я смотрю с оптимизмом».*

Но современное песенное ремесло не признаёт:

«Сейчас расплодилось многотысячное войско новых артистов и, чаще всего, авторов. Их песни кажутся мне каким-то кошмаром, бредом, набором слов. Я так записываю «рыбу», когда мне надо подтекстовать музыку. Придумывается строчка, иногда даже удачная, и раз тридцать повторяется.

И – хит!

Прав ли я в своем высокомерии? Скорей всего, не прав...

Трудно быть не мудрым, а старым!..

Всё уляжется, утрясётся. Я стараюсь работать с молодыми, но... как можно писать для тех, кто провозглашает: «Ты целуй меня везде, я ведь взрослая уже».

А как пример того, что и у него не всё ладно бывает с рифмами, и, что выкрутиться всё равно можно, Танич весело рассказывает:

«Значит, Броневицкий, композитор, руководитель ансамбля «Дружба», принёс мне вальс и попросил написать текст.

Я не очень-то люблю делать с готовой музыкой. Я написал какой-то текст, позвонил ему; он ко мне пришёл, взял этот листок в руки и прочёл: «Гляжусь в тебя, как в зеркало, до головокружения».

Он говорит: «Миша, ты что, с ума сошёл?! Поверь мне, я опытный... Кто это может спеть «головокружение»?! Подумай сам!».

Вечером случайно я встретился с Юрой Антоновым, он меня отвёз домой и увидел на столе как раз тот самый текст... Он у меня его взял вечером... и утром сыграл мне в готовом виде...

Не знаю, как у Антонова, но среди его песен у меня это – одна из самых любимых песен».

В последние годы Михаил Танич сочинял для группы «Лесоповал», которую сам же и организовал. Этот проект родился в начале 90-х. Журналисты сразу окрестили его «блатняком».

Поэт это отвергает:

«Песни для группы написаны на образ Приёмыхова в фильме «Холодное лето 53-го года. Я не пытался исследовать воровскую душу – я пытался исследовать душу человеческую, найти в ней не воровское, а человеческое...

«Лесоповал» поёт не о том, что хорошо воровать, а о том, как плохо людям из криминального мира. Среди них я не видел счастливых людей. Они все – несчастные!».

К примеру, вот, песня «Неточка Незванова» может показаться издевательством над Фёдором Михайловичем Достоевским – автором одноимённого романа.

Но автор напоминает, что Достоевский не закончил свой роман, поскольку был арестован и осуждён по политическому обвинению (конкретно – всего лишь за чтение в кружке петрашевцев письма Белинского к Гоголю), оказался на каторге.

В судьбе самого Танича немало похожего.

А о лагерях у него есть и положительные воспоминания: *«Воры, которых я знал, не были беспредельщиками. Они подчинялись воровскому закону. Сами боролись и с бандитизмом, и с хулиганством. Сами следили за порядком на зоне».*

Михаил Исаевич Танич – лауреат премии МВД России; почти всех фестивалей «Песня года»; лауреат Юбилейного конкурса «Песня года», посвященного 25-летию передачи; лауреат Национальной музыкальной премии «Овация».

Член Союза писателей.

Народный артист России.

Почётный гражданин города Таганрога.

Почётный профессор Ростовского государственного строительного университета.

«Радуюсь ли я, по-настоящему, искренне, чужим удачам в песне? Отвечу, как ответил когда-то Оксана Пушкиной в интервью по телевидению.

Вопрос:

- Михаил Исаевич, вы знаете, у актёров, у спортсменов тоже, существует профессиональная ревность друг к другу. А вот в вашей среде это есть?

- Что вы! Мы рады успехам другого, как своим собственным!

- Кого тогда вы могли бы назвать, кто так же успешно работает в песне?

- Никого!»

А на вопрос, смог бы он написать Гимн России, ответил так:

«Я уже написал гимн. Эта песня называется «Мой дом – Россия».

Поэт Михаил Танич прожил долгую и очень интересную жизнь. Оборвалась она 17 апреля 2008 года.

«Айседора»,

«Аты-баты»,

«Идёт солдат по городу...»,

«Комарово»,

«На дальней станции сойду...»,

«Налетели вдруг дожди...»,

«Погода в доме»,

«Чёрный кот»,

«Я куплю тебе дом...»

Мы всегда будем петь эти необыкновенные песни. А если забудем какую строчку – не проблема: можно взять томик стихов и заглянуть.

На библиотечной полке он стоит рядом с Твардовским.

*

ПОВЫШЕННОЕ ЧУВСТВО

*Не знаю, сколько жить ещё осталось,
Но заявляю вам, мои друзья, —
Работу можно отложить на старость,
Любовь на старость отложить нельзя.*

Николай Доризо

«Давно не бывал я в Донбассе»,
«На тот большак, на перекрёсток...»,
«Огней так много золотых...»,
«От людей на деревне не спрятаться»,
«Почему ж ты мне не встретилась...»,
«Спешит на свидание бабушка...»

Ох, какие песни!

Чаще всего и знают их именно так – по первой строчке. Не по официальному названию.

И вот «Опавшие листья» в исполнении Гелены Великановой уже помнят не многие.

Это песня из комедии с Марчелло Мastroяни «Париж всегда Париж». Французский текст Жака Превера на русский язык перевёл поэт Николай Доризо.

Великанова. Помните? Знаменитые «Ландыши». Критика ругала, а вся страна – пела. Но кто сейчас помнит тех критиков?

А вот это – мнение гениального танцовщика Махмуда Эсамбаева: «Она – певица всех времён, второй такой нет. Это любимая всеми и мудрая актриса».

Певица Гелена Великанова тогда была женой поэта Николая Доризо.

Сохранилось свидетельство-отзыв Гелены Марцелиевны о любви к Николаю: «Это чувство умрёт вместе со мной».

В этом браке родилась дочь Елена. Но брак распался.

Вторая супруга – тоже певица.

«А если серьёзно, то я с женщинами так просто не могу. Я должен чувствовать, что это моя женщина. Только моя. Будь она трижды красавица, я к ней не подойду, если не ощущаю, что она моя. И это «повышенное чувство» меня никогда не подводило...».

«Много лет назад я встретил прекрасную женщину.

- Приятели тогда предупредили: «Оставь всякие надежды – это же прима Театра оперетты Верочка Вольская! Муж-красавец!»

Я отступил. В самом деле? Кто я? Нищий студент Литинститута. А тут к её ногам люди готовы целые состояния бросить».

У каждой ревности, ей-богу, есть причина,

И есть один неписанный закон:

Когда не верит женщине мужчина,

Не верит он не ей – в себя не верит он.

«Но, видимо, чему быть, того не миновать. Прошло более двадцати лет. Я успел обзавестись машиной, дачей, квартирой. И вот как-то возвращаюсь из издательства со своей новой книжкой. Вижу – стоит Верочка у ресторана «Прага» с тортом в руке.

А я на машине со своим шофёром – вёз из издательства только что изданную книжку. Остановился. Подошёл. Книжку подарил. С тем и расстались. Потом встретились с нею в гостях. Я

набрался смелости и пригласил её в Дом кино. И, удивительное дело, она согласилась. Там я готов был скупить для неё весь ресторан.

А что касается предложения, то его сделал не я, а Верочка. Я её постоянно приглашал то в театр, то в ресторан, и однажды она мне сказала: «Коля, у меня нет времени. Лучшие женитесь на мне...».

А я ей знаете что ответил? Нет, я жениться на Вас не могу. Я уже давно на Вас женат...»

Они прожили вместе больше сорока лет, сохраняя любовь, про которую написано столько хороших песен. На стихи Николая Доризо.

*...Одну я понял истину
всем существом глубинным:
как трудно быть единственным,
и как легко любимым!*

Николай Константинович Доризо родился 22 октября 1923 года в Краснодаре.

«Русская природа, русская поэзия, город моих первых школьных лет – Краснодар. И сегодня, среди столичного шума, звон трамвая вдруг возвращает меня на минуту в тихое далёкое детство. Порой кажется, что этого детства и не было, что я его себе придумал, но вдруг пальцами на ощупь я чувствую жестковатую шерсть моей синей матросской курточки...

Хотя в графе «Место рождения» в моём паспорте написано «Краснодар», я рос в Екатерине даре: славные традиции казачьей столицы напрямую вплетены в историю нашей семьи, стали частью меня с раннего детства...

Мои родители были талантливыми, интересными и умными людьми. Папа – уроженец Греции. Он принадлежал к знатному греческому роду, в своё время поддержал революцию, а перебравшись совместно с родителями в Россию, работал адвокатом.

Мама, кубанская казачка, закончила консерваторию по классу фортепиано... Она записывала мои первые стихотворные опыты в тетрадку, которая хранится у меня до сих пор.

Мама... знакомила со старожилками-соседями, заставшими расцвет Екатеринодара.

Ещё у меня была изумительная бабушка, Мария Назаровна. Именно она заразила меня любовью к поэзии, песне, народному слову».

Рос будущий поэт в кубанской станице Павловской.

«В Павловском районе на Кубани, где прошло моё детство, существует добрый обычай: каждому новорождённому вручается бронзовая медаль со строкой напутствия – «Расти достойным гражданином СССР». Я испытал подлинное волнение, когда совсем недавно меня удостоили этой медали».

Писались эти слова в 1973 году. Но и в начале нового тысячелетия он может с честью считать себя гражданином всего постсоветского пространства – оно сближено замечательными советскими песнями.

«Моё отрочество можно было бы назвать счастливым, если бы в 1938 году не арестовали отца. Маме сказали, что ему дали 10 лет без права переписки, а на самом деле его расстреляли».

Вот так. 38-й стал для парня годом первой публикации, первого ощущения себя поэтом. И годом первого настоящего горя.

«По стране ходила фраза: «Сын за отца не отвечает».

И вот, как ни странно: меня приняли в комсомол, более того, избрали секретарём комсомольской организации школы. Я до сих пор благодарен учителям, одноклассникам, соседям, которые прекрасно ко мне относились и никогда не намекали на то, что мой отец арестован».

Николай окончил школу в Ростове-на-Дону в трагическом 1941 году. И сразу попал на фронт.

И на фронте продолжал писать стихи, а также работал литературным сотрудником в военном издательстве и в редакции окружной газеты «Слово бойца».

Прошёл Черноморское побережье. Сюжет песни «Мы Керчь покидали с боями» основан на реальных событиях.

«В 1942 году на фронте (ещё ни отцом, ни поэтом) я написал стихотворение «Дочурка», к которому сочинила музыку Роза Гольдина. И буквально через несколько дней эта песня стала известна всему фронту!

В конце войны на ростовском рынке я увидел безногого инвалида в потёртой шинели, который торговал кукурузными лепёшками и текстами «Дочурки», отпечатанными на папиросной бумаге.

И стихи, и лепёшка стоили 10 рублей. Люди покупали и то, и другое. Значит, моё стихотворение было необходимо им так же, как хлеб...»

Вернувшись с войны, Николай поступил в Ростовский университет.

В 48-м в Ростове выходит первый стихотворный сборник «На родных берегах». Это военные впечатления автора. Сам Николай Константинович говорил, что война стала для него, как для литератора, настоящей школой.

В это же время происходит ещё одно знаменательное событие в жизни поэта – Доризо принимают в Союз писателей СССР. Он проходит там обучение на Высших литературных курсах.

Успешно публикуется.

Избирается секретарём Правления Союза писателей России.

А потом в творчестве наступает почти 10-летняя пауза. Ответ можно, наверное, найти в драматической поэме «Утро после самоубийства». И ещё одна «личная» ситуация проглядывает в исторической поэме «Место действия – Россия».

Острейшая нравственная проблема, связанная с выбором, который оказался, по определению Василя Быкова, «трагической ошибкой», волновала в те годы многих из поколения «отцов и дедов».

Герой «Утра...» – художник, мужественный человек, прошедший войну, переживает нравственный и творческий кризис.

И не даёт ему покоя вопрос: прав ли он был, прославляя в своих картинах не только отечество, но и саму систему?

Позднее в одном из стихотворений он напишет:

*Допустим, бедность мы изгнали прочь,
в достатке и село, и город.
Как завтра сытому помочь,
чтоб он обрёл духовный голод?*

А в поэме «Место действия – Россия» судьба главного героя (похожего, одновременно, на Радищева и пушкинского Гринёва) трагична. Ни народ, ни Пугачёв не понимают его.

В конце 80-х Доризо вновь обратится к жанру драматической поэмы. «Яков Джугашвили»: пленение и гибель в плену старшего сына Сталина.

В 69-м, в разгар набирающего силу «застоя», Доризо написал повесть «Измена» – о любви русской женщины и немецкого офицера, намного опередив «неформальную» нравственную ситуацию бондаревского «Берега».

Он поплатился за этот сюжет очень резкими отзывами критики.

Досталось, как и ранее, одной из самых популярных песен «А я люблю женатого...»

Позднее он с юмором рассказывал об этой «аморальщине».

«Мне очень повезло – я написал песни к замечательным фильмам: «Дело было в Пенькове», «Разные судьбы», «Простая история»... Кинофильмов, в которых звучат мои песни, около сорока.

У каждой моей песни, как у человека, своя судьба.

Когда я написал стихи «А я люблю женатого», ни один из именитых композиторов не решился положить их на музыку. «Да ты что, - говорили они, - никто не разрешит её исполнять...»

В почёте были произведения не о любви, а о трудовых подвигах. А тут не просто любовная лирика, а чуть ли не аморалка!

И когда Константин Симонов с присущей ему смелостью напечатал эти стихи в «Литературной газете», то они вызвали шквал писем. «Чему нас учат? К чему призывают? Мыслимо ли, чтобы наша советская женщина любила женатого человека?»

Но, несмотря на такой отпор, песня пробилась к людям, стала любимой.

Однажды, когда съёмки фильма «Дело было в Пенькове», к которому я написал песню «От людей на деревне не спрятаться...», уже закончились, я проснулся около пяти часов утра, как будто кто-то толкнул меня в бок.

«Огней так много золотых...» как умышленно написана для фильма!»

В тот же день я встретился с композитором Кириллом Молчановым. Он прежде повозмущался, мол, поздно вато пришёл, а после сел за фортепиано и тут же заиграл мелодию. Мы оба были в восторге и в таком состоянии поехали на киностудию им. Горького, показывать песню режиссёру Станиславу Ростозкому. Выслушав нас, Ростозкий сказал, что песня, конечно, хорошая, но съёмки завершены и фильм ему уже не принадлежит.

А вечером раздался звонок директора киностудии: «Что вы за песню написали? Вся комната её поёт. Хотя бы мне напели». Уговаривать нас с Кириллом не пришлось. Причём, мы даже не успели допеть, как директор, прервав нас, воскликнул: «Волей, данной мне Богом и ЦК, переносу сроки сдачи фильма!»

Специально для этой песни был доснят сюжет. Так она, будто человек, вскочивший на ходу в уходящий трамвай, попала в кинофильм».

*Прошло полвека. Эта песня
Сегодня встретилась со мной.
Она со школьниками вместе
Шла мимо улицей ночной.*

*Шагала с выпускного бала,
Меня задев слегка плечом,
В лицо взглянула – не узнала,
Как будто ей я не знаком...*

*Хотелось крикнуть:
- Что ж ты, что же?
Остановись!.. Ведь ты моя!
...Но, как любой другой прохожий,
Ей уступил дорогу я.*

Песни Доризо, как правило, сюжетны, построены по законам драматургической миниатюры – с конфликтами, со столкновением характеров.

И поэтому известный советский поэт-песенник органически не приемлет отсутствие во многих постсоветских опусах их главных составляющих – мелодии и смысла.

«Заметили, что сейчас в песнях слова-то не нужны? «Я хочу тебя, хочешь ты меня?» – вот и вся песня. Мне же в песне нужен сюжет, самая настоящая пьеса».

Да, практически, все песни на стихи Николая Доризо представляют собой маленькие спектакли – с виду простые, но понятные каждому. Недаром их считают народными. Они о вечном, о том, что всегда будет волновать сердца.

Подхватывали все – и неслась песня на простор.

Особый это дар – так творить.

Но Доризо на песенном жанре не останавливается.

Он пишет о произведениях русской классики, предлагая, например, своё прочтение комедии Александра Сергеевича Грибоедова «Горе от ума» и свою трактовку образа Софьи.

В сюжетах его статей, рецензий, выступлений – Александр Островский, Владимир Маяковский, Виталий Закруткин, Юрий Бондарев, Сергей Островой, Алексей Фатьянов, Елена Булгакова, писатели Северного Кавказа и национальных республик Нечерноземья.

В середине 80-х появляется книга «России первая любовь: Мой Пушкин».

Доризо с детства остро ощутил неразрывную связь красоты природы и поэзии, которую открыл ему первый поэт России. Через всю творческую его жизнь пройдёт пушкинская тема, воплотившаяся в различных жанрах.

Возможно, это главный труд Николая Константиновича. Но книга вышла в разгар перестройки и осталась, как-то, не очень замеченной.

Наталья Гончарова – жена и друг поэта.

*Как девочка тонка, бледна,
Едва достигнув совершеннолетия,
В день свадьбы знала ли она,
Что вышла замуж за бессмертье,*

*Что сохранится на века
Там, за супружеским порогом,
Всё то, к чему её рука
В быту коснётся ненароком.*

*И даже строки письма,
Что он писал, о ней вздыхая,
Похитит из её ларца
Его вдова,
Вдова другая,*

*Непогрешимая вдова –
Святая пушкинская слава...
Одна на все его слова
Теперь имеющая право.*

Доризо говорит читателю:

«Трудно найти не только в русской, но и во всей мировой истории женщину, которая оставила бы такой неизгладимый след в людской памяти, которая вызывала бы столь противоречивые толки, яростные споры, делящиеся вот уже полтора столетия.

Слишком много у неё было обвинителей и почти не было адвокатов...»

За спиной у России чуть не два века вымыслов и брани в адрес Натальи Николаевны.

Но способны ли простые (порою хуже воровства) истолкования её образа – как пустой и недостойной гения – не опорочить его самого?

Марина Цветаева писала: *«Тяга Пушкина к Гончаровой... тяга гения – переполненности к пустому месту. Чтоб было, куда... Он хотел нуль, ибо сам был всё».*

Это и тревожило Доризо, он считал это раной на душе у всей России. Вот и решился потому попробовать разделить мифы и истину – излечить рану.

И в своей книге Николай Константинович доказывает, что первый поэт России увидел в Гончаровой не только первую красавицу России, достойную поклонения; но и верного друга, способного разделить его нелёгкую судьбу.

Судьбу первого поэта России...

«Представьте себе робкую, застенчивую девушку, с детства привыкшую во всём подчиняться властному характеру матери. И вдруг эта девушка решительно встаёт на сторону жениха, идёт против воли матери с непримиримой смелостью (не тайна, что мать сопротивлялась браку дочери с Пушкиным)...»

Возможно, и об этом строчки стихотворения совсем не пушкинской тематики:

*О, как нам часто кажется в душе,
Что мы мужчины властвуем, решаем...
Нет! Только тех мы женихов выбираем,
Которые нас выбрали уже!*

А вообще, были два побуждения.

Первое: *«С Пушкиным я словно родился на свет, прожил всю свою жизнь. Побудил сам факт моего рождения. Во главе всего был Пушкин с его сказками и стихами. И вся жизнь, всё творчество связаны с Пушкиным. От него идёт вся наша литература».*

И второе: *«Когда порою в наши дни ревнители «чистого Пушкина», без его жены, пытаются как бы отодвинуть её в сторону, они оказываются беспомощными по-настоящему понять жизнь поэта... А для того чтобы понять, надо любить. Любить большой человеческой любовью не только самого Пушкина, но и его многострадальную жену...»*

*Поэзия и красота –
Естественней союза нету.
Но как ты ненавистна свету,
Гармония живая та!
Одно мерило всех мерил,
Что
Он
ей верил,
Верил свято
И перед смертью говорил, -
«Она ни в чём не виновата».*

Николай Константинович рассказывает, как дочь Жоржа Дантеса Леони возненавидела самого отца, осознав содеянное им... И выучила русский язык.

*И это так меня ошеломило –
Я не могла ни есть, ни спать.
Всё время
Стоял передо мною
с укоризной
Печальный образ
гения-поэта,
Убитого моим отцом.
И я решила*

Узнать,
Узнать
во что бы то ни стало,
Что написал он,
чем он так велик.
Вот для чего
с таким упорством изучала
Я столько лет
его родной язык...

«Дочь Дантеса сошла с ума и окончила жизнь в клинике, куда он её и упрятал. Это не было в полном смысле больницей – просто он как мог, изолировал её жизнь и круг её общения...»

А песни свои поэт-песенник сочинял до самой смерти. Его жизненный путь окончился 31 января 2011 года.

Николай Доризо был членом Высшего творческого совета Союза писателей России.

Он – лауреат Государственной премии РСФСР имени Максима Горького.

И он почётный гражданин Краснодара.

В одном из последних интервью Николай Константинович подвёл своеобразный итог:

«Большую роль играет и интерес к жизни, который идёт от духовности. Для этого не обязательно писать стихи.

Для меня духовность неотъемлема от веры в Бога. Мой дед был протоиереем Кубанского собора, а отец – ярый атеистом, поэтому мой путь к Богу был долгим. Этим я виноват перед Ним.

Я считаю, что всё от Бога: и моё творчество, и везение, и встреча с Верочкой. Мне грех жаловаться на жизнь. У меня прекрасная семья, дети, внуки... Мои песни по-прежнему звучат на радио, на телевидении, за праздничными столами. Чего ещё можно желать? Так что я счастливый человек...»

И ещё Николай Константинович Доризо очень любил свой сад:

«Яблонь у нас восемь. Называть их деревьями как-то несправедливо. Это члены нашей семьи, каждую яблоньку я зову по имени.

Вот эта озорная Татьяна – так и норовит задеть меня, прикоснуться ко лбу, щекам, поцеловать. А та, тоненькая с весёлой листвой, – Клава.

Каждую весну я подхожу и чокаюсь бокалом шампанского с ними».

Моя любовь –
Загадка века.

... Что ж, может быть,
В далёкий век тридцатый
В растворе человеческой крови
Не лирики,
А физик бородатый
Откроет атом
Вещества любви.
Его прославят
Летописцы века,
О нём молва пойдёт
Во все края...

Природа,

Сохрани от человека
Хотя бы эту
Тайну бытия!

Вот такое «повышенное чувство»!

*

СЛЕД ШМЕЛЯ

*Я Русь люблю! А кто не любит?!
Но я по-своему, и так,
Что слышат всю Россию люди
На песенных моих устах.*

Борис Примеров

Париж.

Штаб-квартира ЮНЕСКО.

Холл этого здания украшает монументальное полотно нашего соотечественника, народного художника России, Ильи Глазунова.

Работа, выполненная по заказу Всемирной организации, называется «Вклад народов Советского Союза в мировую культуру и цивилизацию»

Внимание привлекают фигуры Русского Икара и Бориса Годунова. А, если более конкретно, то необычные «иконописные» глаза этих персонажей. В них порой трудно смотреть: столько таится в их глубине какой-то (по меткому замечанию одного наблюдателя) *«щемящей, неизбывной тоски и неприкаянности»*.

Именно глаза поразили когда-то автора работы.

Прототипом для глазуновских «Русского Икара» и «Бориса Годунова» послужил облик донского поэта Бориса Примерова.

Он родился 1 июля 1938 года в Ростовской области. Это станица Матвеево-Курганская.

Примеровым довелось хлебнуть немало. Их и рассказывали, и раскулачивали.

Мать – из знатного украинского казачьего рода. Как следствие – почти вся семья погибла *«в слепой круговерти гражданской войны»*.

Отец – казак с Дона. Кадет, принявший революцию и ставший офицером Красной армии. Но *«его, как сына раскулаченных родителей, к тому же женатого на представительнице «бывших», исключат из партии и уволят из армии»*.

Но Великому Отечественную Терентий Фёдорович Примеров прошёл всю.

После войны семья перебралась в станицу Мечётинскую – колхозничать. Надо было кормить троих сыновей и дочку.

«Мы переехали в станицу Мечётинскую – по-донскому, в Мечётку – где отец работал в колхозе. До самой смерти был страстным охотником и рыболовом. Вероятно, от него у меня изначально острое, почти физическое ощущение Дона».

Конечно, как у большинства сверстников, детство Бори лёгким не назовёшь. Но было оно радостное духом – ведь все они росли в атмосфере Великой Победы 45-го!

А сам он совсем не хотел жить в унынии, и потому ему открывалась радость природы, радость сказок, небылиц, фантазий и преданий, среди *«ещё жившего в быту украинского и южнорусского фольклора»*.

А мама, Анна Борисовна, – несмотря на всё – прекрасно пела. *«До сих пор чувствую, как во время пения, правдивого и полыхающего свежестью голосовых красок, у меня перехватывало дыхание».*

Он рос во времена, когда устная поэзия ещё жила в народе, когда *«любой сельский человек, любой, как в старину говорили, мирянин почитал природу такой же живой и так же разумно действующей, как он сам».*

Отсюда у поэта столь, как говорят критики, *«метафорическое восприятие мира».*

*Движения травы красивы,
Особенно в такую рань,
Когда она, чуть вскинув гриву,
Бежит, как испуганная лань.*

И конечно, уже тогда, в детстве, в его жизнь вошли книги и воспитали в нём *«филолога по душе и призванию».*

Позднее, все, кто знал поэта, рассказывали, что первое, с чем ты здороваешься в его доме – это книги. Тысячи книг.

По истории, философии, культуре; поэзия, романы, словари. Старые книги в кожаных переплётах и новые – в мягких обложках. Труды по истории. У него были почти все авторы и философы, изданные в серии «Литературные памятники».

Этот замечательный поэт был ещё и энциклопедически образованным человеком, любителем и знатоком отечественной истории и философии.

Очень легко и весело рассказывал он о Константине Леонтьеве, Павле Трубецком, Михаиле Меньшикове, Николае Фёдорове.

А, продолжая говорить о великих русских мыслителях, переключается и на великих державников: гений Петра I, величие Александра III, государственные идеи Алексея Аракчеева, Константина Победоносцева, мудрость Иосифа Сталина.

Критики писали, что он *«соединил книжную державность с природной, этнической державностью».* Может быть, именно с державных позиций Примеров часто крайне резко критиковал брежневские власти. А правление Ельцина – вообще, не воспринимал.

Он верил, что России, русскому народу нужна монархия.

Нужен человек, который бы знал и, главное, искренне любил свою Родину, её традиции и верил в её предназначение.

И обязательно верил бы в свой народ!

Но антисоветчиком – в том смысле, в каком это слово употребляют эмигранты – Борис Терентьевич никогда не был. Говорил о разнице между Лениным и Сталиным, между Советами Ленина и поздними Советами брежневского времени.

И уж точно, никогда бы не оставил Родину.

Он очень её любил.

Получив очередной гонорар, Примеров тут же наносил визит букинистам столицы.

И жизнь свою – он так и делил – на две половины.

«Вторую половину я прожил среди книг. Среди замечательных старых энциклопедий, полузабытых и забытых исследований отечественной литературы, среди трудов по русской истории Карамзина, Татищева, Костомарова, Ключевского, Забелина. Я находил себя в кругу философов и авторов, изданных в «Литературных памятниках»...

В первой – воплощённой в образе донской, утопающей в разнотравье степи – я увидел пролетавшего надо мною шмеля.

Его путь был так чист, оставлял за собой такой гудящий след, что я пошёл без оглядки по этому следу, по его свежему следу ориентируясь во времени и пространстве».

*Кто нюхал степь, вдыхал поля,
Подошвами пыля,
Тот без труда найдёт шмеля,
И даже след шмеля.*

Школу Боря окончил в Мечётинской.

«Мечётка – самый уютный уголок на всём белом свете», - позже с любовью скажет он о за-донской станице.

«Я жил в краю крылатого ястребиного неба, галопом несущегося вдаль вольного простора, называемого степью. Сторона моя сладко пахла голубой полынью, улыбалась во всё лицо веснушчатými подсолнушками, мерцала темноглазыми звёздами паслёнов».

*Я всё сумею здесь под солнцем,
смеяться, плакать и мечтать!*

И действительно он смог – подарил миру свои незабываемые стихи. В 1964 году в Ростове выходит его первая книга «Синевой разбуженное слово». А своим лучшим сборником Борис Примеров считал «Некошенный дождь».

Главная тема определилась сразу и навсегда – образы родной донской природы:

*Пройдусь по ветрам и тропинкам,
Войду в вечера, в ковыли.
И всем расскажу без запинки
Всю заповедь здешней земли.*

И в Мечётке же произошла первая встреча с талантом своего земляка Михаила Шолохова. Всю жизнь любил и не уставал восхищаться Примеров «Тихим Доном» и его автором. Часто цитировал отрывки наизусть.

А любимым поэтом был Сергей Есенин – «самый русский» (по определению Евгения Евтушенко) поэт.

Ничего удивительного, конечно: и уроженец села с Рязанщины, и уроженец донской станицы – выросли в народной среде – среди лесов и трав, бабочек и шмелей, песен и народных сказаний.

Оба почитали природу, облакая её в красочные художественные формы.

А свои собственные стихи Борис начал сочинять очень рано, разговаривая с травами и птицами и слыша их голоса.

*Степь, спокойная, как лебедь,
Мой избыток синевы,
Зацелованная небом,
Прошуми в густой крови.*

*Ах, не я ли был той быльёю
В беспокойной славе гроз,
Где седую грусть ковыльёю
На ладонях к сердцу нёс...*

И впоследствии критики неоднократно ставили Примерова в ряд поэтов «есенинского типа», даже предсказывали ему славу «князя русской песни».

А Борис Примеров любил Марину Цветаеву, Николая Гумилёва, Бориса Пастернака и Павла Васильева. Писал, что «*между этими силовыми точками лежит моё магнетическое поле поэзии*».

Очень ценил Велимира Хлебникова, считая, что его осознанно затёрли куда-то на околицу русской поэзии.

Он не стеснялся говорить поклонникам Пастернака – которого очень любил сам:

- Это идёт срочное продвижение за счёт умалчивания Хлебникова. Маяковский и Пастернак делают стихи... На Пастернака можно выучиться, хоть и трудно, а на Есенина с Блоком – нет.

Всегда восхищался Некрасовым, цитируя, например, такую строчку – «Савраска увяз в половине сугроба». Всегда говорил, что просто литератор написал бы – «увяз в сугробе», а в «половине сугроба» мог написать только настоящий поэт с настоящим объёмным зрением!

Ну и, конечно, он боготворил Пушкина.

Он ведь и сам был – очень талантливым поэтом.

*Можно там щекою потереться
О дожди, идущие от туч,
Вытереться, как о полотенце,
О мохнатый предрассветный луч.*

С 1959 года вчерашний школьник работал литсотрудником районной газеты «Колхозная трибуна». Не сложилось, ушёл – сварщиком на азовский завод, затем – на знаменитый Ростсельмаш.

Но и в Азове, и в Ростове, Борис – активный участник литературных объединений.

В середине 60-х он отправился покорять Литературный институт имени Максима Горького. Творческий конкурс выдержал, но не прошел собеседования, так как не сошёлся в литературных вкусах с членами приёмной комиссии.

Не сдался.

Предпринял ещё одну попытку.

«С Николаем Рубцовым мы поступали вместе в Литературный институт в начале шестидесятых годов. Параллельно учились, дружили, яростно спорили... Это было время великого слома, великого смещения пластов, которое подняло многих талантливых представителей моего поколения...»

Думаю, что если есть заслуга моего поколения, то она в том, что оно первым (ещё до знаменитой впоследствии «деревенской прозы») обозначило болевые точки времени, утрачивающего, разрывающего корневую связь с землёй, с заложенными в ней вековыми традициями русской жизни. Мы своими искренними порывами не сумели спасти красоту...

А может быть, мы не шли достаточно далеко и глубоко в поисках причин этой, как теперь ясно, всенародной беды – глубокого обморока нашей деревни...»

С Колей Рубцовым он жил в одной комнате, даже опекал его – вечно бездомного и безденежного. По поводу знаменитого стиха –

*В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды... –*

усмеялся:

- Ну что это такое, это же надуманно, зачем же он матушку по ночам за водой посылает, лучше бы сам сходил, к тому же утром удобней.

Ещё, смеясь, рассказывал, как они «с Колькой обменяли мой писательский билет» на несколько бутылок водки, когда не было денег...

А Сашу Вампилова Боря пригласил в шаферы – когда юная Наденька Кондакова согласилась стать Примеровой.

Нет уже ни Александра Вампилова, ни Николая Рубцова.
Ни Бориса Примерова...

1969 год. Институт – за плечами.

А годом ранее – уже приняли в Союз писателей СССР. Рекомендацию дала в Ростове выездная столичная «тройка»: Анатолий Софронов, Роберт Рождественский и Сергей Смирнов.

Так вот случилось однажды – в Ростове-на-Дону.

Поэтический вечер.

На сцену вышел молодой совсем парень, ростсельмашевец. И начал читать.

И покорила публику.

О своём тогдашнем впечатлении оставил записи Анатолий Вениаминович Калинин: *«Бывают такие мгновения, когда аудитория, заполненная так называемыми знатоками поэзии, и людьми, просто любящими стихи, и слушателями, привередливыми и легко воспламеняющимися, вдруг объединяется в одном чувстве и начинает бурно аплодировать.*

Забыты различия во вкусах перед лицом настоящего неподдельного...»

Вот так, сразу и мощно, Борис Примеров вошёл в большую литературу.

И – с большой верой в своё «я»!

*Я говорю: утихомирьтесь,
Вы, современники мои,
Познавшие все тайны флирта
И не узнавшие любви.*

*Не стыдно вам ли в обиходе
Иметь всего десяток слов
О женщине и о природе,
Которым я принёс любовь?!*

В Москве и Ленинграде, и снова в Ростове выходят новые сборники. Растёт сын Фёдор.

Примеров решает попробовать перо в поэтическом переложении памятников древнерусской словесности. Критика отмечала, что он очень бережно отнёсся к стилизации.

Вот фрагмент из «Задонщины»:

*Ой, черна земля родная
Под копытами комоней,
И засеяно широко
Поле белыми костями.*

«Я до сих пор не знаю, откуда пришли ко мне слова. Знаю только, что они пришли, я взял их за руку и повёл через степь, через свою, теперь уже более чем на половину прожитую жизнь.

Не расставался я с ними никогда, хотя, бывало, не писал по несколько лет, и в те мучительные годы безмолвия мне казалось, что слова покинули меня навсегда...»

Борис Терентьевич искренне любил русскую культуру, русский язык. Алексей Кольцов, Сергей Есенин, Сергей Рахманинов, Михаил Шолохов, Анатолий Калинин, Сергей Лемешев...

Какие замечательные строки посвятил им автор из задонской станицы Мечётинской!

Но жизнь в столице – это не милая сердцу Мечётка. Город всё круто менял, обламывал. Кого-то – навсегда сгибал.

*В такую же безлунность,
У поля, без следа,
Всю молодость, всю юность
Украли города.*

*Я сам умчался в город
За славой. И с тех пор
Во мне убила скорость
Пространство и простор.*

*Ни августа, ни мая,
Где небо? Где земля?
Ах, что-то я теряю,
Не самого ль себя?*

«Мы своими искренними порывами не сумели спасти красоту... 60-е годы, на гребне которых мы вылетели из гнезда, быстро кончились. Началось повсеместное бурное восхваление невидимых, но тем яростнее декларируемых успехов. И на этом фоне кто-то из нас замолчал, кто-то с головой бросился в переводы, кто-то запил, сломался, совсем ушёл из жизни...»

Вот тут, пожалуй, и начинается реальная трагедия страны и реальная трагедия поэта, предсказанная им ещё в юношеских стихах:

*...напишут про грусть,
Что вошла навсегда
В моё сердце, как Русь.*

*Без неё нет поэта,
Песни собственной нет.
Вот и всё.
Умираю...
Разбудите рассвет.*

Уже со времени начала перестройки Борис Терентьевич, который вроде как должен был бы радоваться переменам, происходящим в стране, не находил себе места. Он чувствовал, что происходит что-то непоправимое.

Он ведь прекрасно понимал, что в СССР, несмотря на все идеологические догмы, жила ещё его крестьянская народная Россия, был жив уклад его предков, его русский язык.

А с перестройкой началось не возрождение его Родины.

Нет! Продолжилось интернациональное убийство России, стирание её особых, неповторимых черт. С экранов телевизоров хлынула примитивная иностранщина, духовная и плотская пошлость. Начался развал армии.

А разваливая СССР, разваливали не коммунизм. Разваливали Великую Российскую Империю. И линия разлома прошла через сердце поэта.

После 1991 года, после развала СССР, развала-раздела-развода Союза писателей на враждующие лагеря, Примеров на время потерялся, замолчал. Только невесело улыбался: *«У меня в доме три Союза писателей, я – в одном, жена – в другом, Федька будет в третьем, когда институт закончит...»*

Но надеялся, что вдохновение всё же вернётся.

И оно вернулось. Это совпало с появлением газеты Александра Проханова «День», где Примеров стал постоянным автором.

Борис Терентьевич начинает посещать сборы оппозиции, патриотические митинги и шествия. Он – поэт крестьянской корневой России(!) – выступает против развала интернационального коммунистического государства.

Он видел в этом не наносное, поверхностное (борьбу с КПСС, КГБ, с бюрократами), а главное. Видел в этом попытку международных сил добить его Великую Державу, Российскую Империю, которую – полвека назад – не смогли сломить даже (покорившие почти всю Европу!) фашисты.

В трагические дни октября 1993 года журналисты «Дня» были в Белом доме, описывая происходящее и – наивно – надеясь на победу оппозиции.

Во время силового разгона Верховного Совета поэт Примеров был в числе защитников Российского парламента.

И очень тяжело, по свидетельству знакомых, переживал потом поражение. Физически ослаб, даже как-то сразу постарел.

Но писать не перестал – ведь недавно родилась внучка Василиса. Любимая! Он мечтал научить её (как и её маму Елену) стихотворчеству и создать поэтическую династию Примеровых.

Он говорил: *«То, что не получилось у меня, получится у неё!»*

И продолжал приходить в редакцию газеты.

Правда, после разгона Парламента разгромили и её. И переименовали в «Завтра». Но позицию свою редколлегия не изменила, и Борис Терентьевич приносил новые стихи.

Поэт Борис Примеров всегда был добрым и отзывчивым человеком. Оставался таким и ныне.

Но и (как рассказывают знавшие его) не переставал постоянно удивлять своим могучим, былинным внутренним миром, несмотря на свою – извечную какую-то – внешнюю расхлябанность.

Его ведь с юности ещё многие воспринимали странным, «блаженным». А уличные стражи порядка нередко останавливали, принимая за пьяного или бомжа.

Ходил ведь в трофейной немецкой кожанке, которую (ещё студентом) купил на барахолке. И очень сожалел, что когда-то по дурасти укоротил. Но и радовался: *«Да мне этот кожан до смерти не износить!»*

Может, он и был «блаженным» – в прямом, религиозном, смысле этого слова, рубящим правду прямо в глаза царям и тиранам – ярко, образно, громко.

И забыть эту правду – не выходило.

Но, вообще (кроме ярого неприятия власти), Борис Терентьевич был очень мягким, миролюбивым. К собеседнику часто обращался «милый мой». Никогда, ни на что, ни на кого – не жаловался, хотя было понятно: живётся ему нелегко, в том числе и материально.

И он искренне мечтал о возврате СССР. Вот фрагмент из его поэмы «Молитва»:

*Боже, который Советской державе
Дал процвести в дивной силе и славе,
Боже, спасавший Советы от бед,
Боже, венчавший их громом побед.*

*Боже, помилуй нас в смутные дни,
Боже, Советскую власть нам верни!
Властью тиранов, Тобою венчанных,
Русь возвеличилась в подвигах бранных,*

*Стала могучею в мирных делах –
Нашим на славу, врагам же на страх.
Боже, помилуй нас в горькие дни,
Боже, Советский Союз нам верни!*

Такое не пишется по заказу.

Но Бог молчал, а поэт мучился, страдал, боролся.
И не выдержал.

5 мая 2013 года исполнится уже 18 лет с того страшного дня, когда на переделкинской даче российский поэт Борис Примеров решит, что – всё, хватит...

*Прощай, Великая держава,
Одна шестая часть Земли,
Которую на переправах
Мы сообща не сберегли...*

Он ушёл добровольно, не смирившись с действительностью.
Ушёл. Как Юлия Друнина. Как Вячеслав Кондратьев.
Как так любимая им Цветаева.
Похоронен в Переделкино рядом с могилой ещё одного любимого им поэта – Пастернака.
Могилы других разбросаны по всей Руси необозримой.

Борис Примеров всегда был ярчайшим, яростнейшим государственным, державником, сторонником Великой Российской империи – в любом её обличье.

Вот почему он всегда высоко чтит Петра Великого, Александра III, Иосифа Сталина, «*тиранов, Тобою венчанных*».

И его защита Советской власти, его защита Дома Советов в октябре 1993 года – была защитой Великой Державы.

Не понимать этого – значит, не понимать ничего в его поэзии.

*Всё на свете повторится снова,
Но таких, как ты, уже не ждём...
Синевой разбуженное слово
Пролилось некошеным дождём.*

Это – снова Николай Скрёбов.

«Примеров был один из тех редких людей, кого Бог поцеловал на творчество».
А это – Владимир Цыбин.

Может быть, за все муки и страдания русского народа – именно в самые суровые, 37-й, 38-й, 39-й годы и именно перед самой войной – Бог так щедро награждал поцелуями нарождавшееся поколение?

И награждал «иконописными» глазами – как у блаженных и пророков.

Один из самых верных сегодняшних приверженцев монархии, художник Илья Сергеевич Глазунов, считал, что эти глаза нельзя было «сыграть».

Как нам смириться, что уходят даты?

Да можно смириться.

Лишь бы только уходили они – не раньше положенного срока.

*

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Доризо Н. Книга лирики. – М.: «Советская Россия», 1982.

Доризо Н. Моя любовь – загадка века. // Роман-газета. – 1999. – № 15 (1357).

Зайцев П. Не надо больше мне спешить... // Российская газета: Столичный выпуск. – 2011. – 1 февраля. – С. 6.

Примеров Б. Избранное. – М.: «Художественная литература», 1989.

Русская литература XX века: Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь. М.: «Российская энциклопедия», 2008.

Скрёбов Н. И умер, как родился, ты, в сорочке... // Дон и Кубань. – 2011. – № 1 (11). – С. 125.

Танич М. Играла музыка в саду. – М.: «Вагриус», 2000.

Танич М. Избранное. – Смоленск: «Русич», 2003.

http://albumold.ru/retro_music_article_stati/2012-09-06/pevetc-lyubvi-po-t-nikolay-dorizo

<http://arturovich.livejournal.com/9677.html>

<http://chtoby-pomnili.com/page.php?id=1308>

<http://chtoby-pomnili.com/page.php?id=1341>

<http://er3ed.qrz.ru/tanich.htm#biography>

<http://eternaltown.com.ua/content/view/5800/2/>

<http://kultura.kubangov.ru/html/kula-7khfl5.html>

http://lit.peoples.ru/poetry/nikolay_dorizo/

<http://moloko.ruspole.info/node/1146>

<http://persones.ru/biography-25824.html>

<http://ru.m.wikipedia.org/wiki>

<http://russianshanson.info/?id=1002>

<http://volgastars.ru/tanich/tanich.html>

<http://www.calend.ru/person/6144/>

http://www.c-cafe.ru/days/bio/27/031_27.php

<http://www.dni.ru/culture/2011/1/31/206636.html>

<http://www.eternaltown.com.ua>

<http://www.inpearls.ru/>

<http://www.hrono.ru/text/2002/dorizo.php>

http://www.liveinternet.ru/users/_notka_/post96938077/

<http://www.lesopoval.ru/prensa/zonelove.html>

http://www.mega-stars.ru/music_stars/mihail_tanich.php

<http://www.newsmusic.ru>

<http://www.peoples.ru/art/music/poet/dorizo/>

<http://www.peoples.ru/art/music/poet/tanich/history.html>

<http://www.poezia.ru/salon.php?sid=65905>

<http://www.ruscenter.ru/443.html>

<http://www.russianlyrics.com/name/nikolay-dorizo/>

<http://www.shansonprofi.ru/archiv/notes/paper477.html>

<http://www.stihi.ru/2010/01/10/2014>